

УДК 130.1

Е. В. Ходус

доцент кафедри соціології

Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара,
кандидат соціологічних наук**«ИДЕЯ СУБЪЕКТА» КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА:
К ВОПРОСУ ВАРИАТИВНОСТИ ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ**

Постановка проблемы. Проблематика субъекта/субъектности/персональности – одна из ведущих в блоке «онтологических задач», решаемых социальной философией, даже в тех ее версиях, которые изначально претендовали на приоритетность групповых сил, коллективных фактов в отношении индивидуального микропорядка. Иными словами, социально-философский дискурс, несмотря на его подверженность ветрам академической моды, господство той или иной доминирующей методологии, всегда был «несвободен» от проблематики субъекта. В контексте «герменевтики субъекта» сама философия и социальная теория может быть представлена в перспективе «рождения субъекта» (идея, концептуализированная в рамках теоретической ситуации, которая характеризуется как «модерн») – «смерти субъекта», «системы без актора» (идея, ставшая одной из определяющих для постструктуралистской и деконструктивистской критики) – нового «возвращения субъекта», позиция которого картируется все больше в терминах самопрезентации, самоменеджмента, «кажмости Я», «явления без сущности». При этом мы исходим из того, что аналитическая экспликация «идеи субъекта», его «рождения/смерти/возвращения» возможна исключительно с учетом конкретного состояния общества и культуры, рождающего подобные наррации.

Цель исследования – показать социокультурную контекстуальность «субъектной» модели социальной реальности. Ведущей темой статьи является попытка ответить на вопрос о том, «смерть» какого субъекта констатирует современный научный дискурс и одновременно о «возвращении» какого субъекта провозглашает.

Изложение основных результатов. Оформление «идеи субъекта» как субъекта социального действия было непосредственно связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна с его эмансипационными, радикально освободительными установками. Сама мысль модерна является в той или иной форме размышлением о социальном субъекте и субъективности. В данном случае «субъект» – это не просто эвристическое понятие, он содержит коннотацию нового опыта мира. Модерн обозначал мир, создаваемый заново посредством активного и сознательного вмешательства акто-

ров, а также новое ощущение «Я», вытекавшее из такого активного вмешательства. В современном обществе мир конституируется как создание человека, и такой опыт рождает ощущение свободы и возможностей, но рождает также и базисное чувство беспокойства относительно открытого будущего. Как отмечает А. Турен, мир модерна во все большей степени соотносился с «субъектом, который есть свобода». Это означает, что в качестве принципа блага утверждается контроль, который индивид способен осуществлять над своими действиями, над ситуацией, воспринимать свои действия как часть собственной личной жизни, то есть он – единственный автор своей жизни, он может все предусмотреть, спланировать, он целерационален. Его тело, сознание, психика, его желания освобождаются из-под религиозного, кланового контроля.

Как мы видим, логика современной культуры конституирует соответствующий тип субъективности как способности, обеспечивающей человеку возможность осуществлять самоуправление, самосозидание («self-made-man») в контексте своего бытия. В таком контексте «субъект – это воля действовать и быть признанным в качестве актора» [1, с. 57]. При этом, как правило, таковым субъектом признавался «супериндивид» – социальная группа, организация, класс, нация, которые объявлялись носителями единой определенности в метабиографическом пространстве истории. В этом и состоит главный парадокс современного субъекта: он автономен, однако это автономия, выполняющая закон, это подчиненная автономия, это «сверхсоциализированный» индивид, для которого при успешной социализации индивидуальность не играет в социальном процессе значимой роли. Появление такого субъекта – следствие логики рационализации, определяющей суть современной культуры; именно рационализация превращает общество, включая и субъекта, в «объекты тотального администрирования». Речь идет о развитии системы общественных институтов, расширении и дифференциации сфер их компетенции, унификации индивидов в отношении институтов, репрессивных практиках, выстроенных на логике контроля (все это суть тенденции, интенсивно проявляющейся в модерне). Такое принудительное регулирование жизненного мира субъекта

принимает форму колонизации (в терминологии Ю. Хабермаса), которая бюрократизирует социальные отношения и сводит индивидов к инструментально ориентированным особям. С точки зрения Ю. Хабермаса, системные императивы предоставляют субъекту четыре роли: публичные роли жителя (гражданина) и получателя социальной помощи и частные роли служащего и потребителя [2, с. 159]. Другими словами, субъект становится клеточкой в матрице социальной детерминации, более того, сама идея субъекта является социальным конструктом, формируемым социальными дискурсами.

Такова аксиоматика модерновой культуры, наделившей субъекта автономией и индивидуальностью, которая вместе с тем открыта для различных форм социального детерминизма как распространения тотальных форм, что приводит к возникновению новых зависимостей, «исчезновению личности», появлению «системы без акторов», персонализации (в значении опустошения) и, наконец, «смерти индивидуального Я», растворяющегося в лингвистических конструкциях и конгломератах социальных отношений. Все большая формализация всех социальных сфер, особенно заметная в больших городах, приводит к обезличиванию, анонимности жизненной среды, которая теперь воспринимается как опасная и враждебная. Еще Г. Зиммель указывал, что города, «объективируя культуру», уменьшают шансы продемонстрировать индивидуальность [3]. Т. Адорно говорил о том же эффекте, связанном с высоким уровнем стандартизации в современном обществе массового потребления. Индивиды, составляющие массовое общество, отличаются более слабым «Я», неспособным на независимость, социальную солидарность, их отличает ослабленная эмоциональная привязанность к другим при одновременном стремлении к конформному поведению. При этом такое «нарциссическое Я» оказывается необычайно восприимчивым, особенно внушаемым и легко попадает под влияние рекламы, авторитетных лидеров [4]. Слабое «Я» (нарциссические индивиды) могут быть легко объединены в эрзацные формы коллективности, лишённые реальной солидарности. Крайним примером подобной деформации социальных отношений может быть ситуация, описанная Ж. Бодрийаром в термине «инерция социального». Условием такой рецепции становится тот факт, что именно масса, а не индивид является основной характеристикой современности. Масса является явлением в высшей степени имманентным, обращенным внутрь себя. Масса – это «черная дыра, куда проваливается все социальное» [5, с. 53]. Масса поглощает и уничтожает все: индивида, смысл, социальное, знание,

культуру, власть. У массы нет имени, это «молчаливое большинство», которое не может иметь какой-либо репрезентации. Погруженные в свое молчание массы больше не являются субъектом, они не входят в сферу артикуляции и представления. Масса избегает схем освобождения, таким образом, она защищается от «Я», от проявлений индивидуальности.

Отмеченная особенность современной действительности в контексте постструктуралистской критики вылилась в пресловутый тезис о «смерти субъекта» как полном отказе от гуманистический представлений об индивиде как существе не только автономном, но также рациональном, сознательном и едином [6, с. 8–9, 33]. По существу постмодернистский тезис о «смерти субъекта», провозглашенный М. Фуко, – это скорее метафора, лишённая реальной критичности, но имеющая, на наш взгляд, важное значение в аспекте иного прочтения природы и потенциала субъективности, возникающей на руинах модернового ее толкования.

Еще раз подчеркнем, что тематизация «смерти субъекта» и одновременно рождения нового опыта субъективности, всесторонне артикулированная в работах К. Леви-Стросса, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийара, вписана в более широкую исследовательскую полемику относительно изменении природы «социального». По словам Б. Латюра, общество, рассматриваемое сквозь призму о «конце социального» в качестве центральной категории, не может быть представлено как нечто единое, неподвижное, центральный факт. Все более отчетливой сегодня становится тенденция разложения нормативных конструкций на всех уровнях: от предельно локального до глобального. Не случайны в этой связи и наблюдаемые в настоящее время изменения в теоретическом ландшафте социологии. Достаточно вспомнить популярные ныне темы будней (повседневности), телесности, эмоций и прочее, ставшие предметом научных изысканий. В новейшей социологии растет внимание к четырем «И»: индивидуализация, идентичность, идентификация, интимность [7, с. 16]. Восприятие на практике процессов индивидуализации, дифференциации, плюрализации сделало устаревшим концепт целостности общества. Его заменяют теперь категории «сеть» (Б. Латюр), «первичная социальность» (А. Кайе), «практика социальных акторов» (Э. Гидденс, П. Бурдьё).

Таким образом, очевидно, что жанровые и методологические особенности современного социально-теоретического дискурса реабилитировали идею субъекта. Но возникает вопрос: о какой субъективности идет речь? Такие качества современной культуры, как снятие дуальных оппози-

ций, включая субъектно-объектные, отсутствие единичного, вариативная множественность всего, включая и самоидентификацию субъекта, реализуют определенную мощную тенденцию, а именно формирование нового образа человека, обладающего специфической «постмодернистской чувственностью» – особым, плюралистичным отношением к миру, избегающим излишнего обобщения и диктата тотализирующих истин. В таком контексте субъект как «автономия, выполняющая закон», как «тотальный человек», имеющий цель, обладающий жестко центрированным мышлением, в котором четко выделяется магистральная линия ценностей, субъект как цельное существо, избегающее несанкционированных «соскальзываний», определенно мертв. Именно это и имел в виду М. Фуко, возвестив о «смерти субъекта». Модерновый индивид, описанный философской классикой, наделенный безупречным разумом, располагающий стойкой человеческой природой, действительно в наши дни «исчерпан». Мысль М. Фуко получила дальнейшую интерпретации. Так Ж.-Л. Нанси, отвечая на вопрос «Что такое быть человеком?», констатирует: «...сегодня то время, когда ответ должен звучать так: быть человеком это <...> не располагать никакой сущностью. Нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот «человек» должен жить, иметь свои права, свою политику, новую этику. Ибо для нас такая сущность просто исчезла» [8, с. 268].

Все сказанное выше свидетельствует о том, что современного субъекта можно обозначить как существо, осознающее собственную разнородность. Говоря терминами интерпретирующей аналитики М. Фуко, «Я» есть продукт определенной совокупности пересекающихся и налагающихся дискурсов и практик, «Я» есть мозаичное образование, изменяющееся под действием как социальных условий, так и бессознательных импульсов [9]. Речь идет о понимании современного типа субъективности в форме множества небольших непрерывных серий социальных образований без центрального субъекта. Как оказалось, «Я» не только не является «сущностью» и «центром», напротив, «Я» подвижно, изменчиво, многопрофильно. Самость личности не только контекстуальная, но и дистрибутивна, то есть, распределена внутри и между разными социально-коммуникативными контекстами, соответственно, самость обладает множеством ликов, публично позиционируя себя различными способами в разных обстоятельствах. В таком контексте субъект становится расчлененным и фрагментарным. Постмодернизм ставит в центр анализа лишенного центра субъекта. То есть единый, абсолютный субъект заменяет-

ся существующими полиморфными, спонтанно возникающими формами субъективности. Новый тип субъекта как агента (в терминологии Э. Гидденса) в значении творческого начала человеческой деятельности, возможности выстроить себя как личность, способную сформулировать свой выбор и сопротивляться господствующим логикам, создает и делает возможным саморефлексивный дискурс. Следуя логике Э. Гидденса, современная личность как «рефлексивный проект» основывается на самостоятельном выборе идентичности и жизненного стиля, который осуществляется из большого количества вариантов. Эти варианты предлагаются экспертами в медицине, диетологии, психологии, финансах и репрезентируются через каналы СМК, информируя о моде, моделях поведения, актуальных телесных практиках, жизненных ориентирах [10, с. 98].

Итак, актуальное культурное состояние формирует особый потенциал субъективности, проблематизируя саму возможность целостности индивида, которая задается, согласно Э. Гоффману, через проекции: Я есть Я + Я есть Мы (Ты) + Я есть тело. Последнее обстоятельство важно подчеркнуть.

Проблематизация модуса «Я есть Я» – социальный эффект кризиса идентичности, которая, по меткому выражению З. Баумана, становится «длящейся проблемностью» в том смысле, что жизнь в мире «разорванном», мозаичном, подвижном не менее сложна, чем в однозначно детерминированном, и столь же малопривлекательна, поскольку порождает проблему сложной интерпретации как на уровне отдельного индивида, так и общества в целом. В сложившейся ситуации культурного полистилизма индивиды столкнулись с обременительной свободой конструирования своих идентичностей, которые становятся все более интимными, требующими напряженной рефлексивной работы и выстраиваются по принципу инсценирования [11]. Инсценирование – по своей сути игровой процесс, то есть допускаются неоднократные, быстрые смены внешнего облика, стереотипов общения, планов на будущее. Однако если я стараюсь быть кем-то, я перестаю быть собой. Между прочим, играизированный габитус постсоветского индивида дает о себе знать и на уровне речевых практик, в бытовании, особенно в молодежной среде, речевого оборота «как бы» («как бы» пришел, «как бы» испугался). «Как бы» – это особая форма восприятия социальной реальности с акцентом на необязательность, условность, иллюзорность мира. Это слово имеет четкую игровую доминанту.

Если говорить о проекции «Я есть Мы (Ты)», то она также проблематична, поскольку совре-

менный индивид-нарцисс (нарциссизм в этом случае мы рассматриваем как практику, при которой «Я» выступает в качестве объекта по отношению к самому себе) – предельный индивидуалист. Не случайно Р. Сеннет называет наше время эпохой «слабых связей», а З. Бауман говорит о «краткосрочной ментальности». Новые реалии рождают новый социальный тип – «непринадлежащего индивида» – человека, не связанного с социальной общностью (национальной, профессиональной, политической, религиозной), хотя и стремящегося воссоединиться с другими людьми, но не ценой нового подчинения общности. Этот новый индивидуализм является следствием современного опыта индивидуализации; он не имеет ничего общего с его прежней формой – индивидуализмом как стилем личной жизни, основанным на возможности индивидуального выбора между различающимися реальностями и идентичностями (при этом стремление к большей самодостаточности вовсе не отменяло потребности в групповом достоинстве). Риторика же нового индивидуализма ориентирует на «самореализацию», «самосовершенствование», «веру в свои силы», «повышение самооценки», собственный «жизненный проект, оказываясь при этом весьма условно совместимой с сильной гражданской позицией.

Напротив, форма современного индивидуализма обычно предполагает, что люди извлекают дивиденды из современных свобод (право на свободу и личную неприкосновенность, свободу от любых вмешательств в частную жизнь, свободу самовыражения, свободу выбора) ценой потери тех преимуществ, которые они имели, будучи включенными в сообщества. Такая «исключенность» современных индивидов проявляется и в особенностях их идентификационных практик, которые все больше «приватизируются» приватной сферой, определяющей индивидуальную идентичность так же, как ранее ее определяли большие социальные образования – публичную сферу, социальные структуры общества, институты, большие сообщества (класс, этничность, гендер). В этом смысле «уход в приватность» вполне можно расценивать как своеобразное проявление социального инфантилизма. Как бы то ни было, современное понятие индивидуализма непосредственно связано со «свертыванием» социальных принципов, «бегством от общества», например, в среду индустрии зрелищ или уже упомянутое нами приватное пространство.

Думается, что с учетом охарактеризованных выше тенденций наиболее актуальная практика самореализации, вернее самопрезентации современного человека, реализуется непосредственно в проекции «Я есть тело». В современных усло-

виях «субъект как тело» становится своеобразной формой личностного высказывания, когда тело, репрезентованное в имидже, «Я-образе», маске служит для того, чтобы полнее проявить и утвердить индивидуальность. Ведь жизнь в атмосфере большого города с его гипертрофированной формой объективной культуры все больше подчинена официальным установкам, которые размывают эту самую индивидуальность. Другим существенным фактором, меняющим жизненный мир субъекта в указанной проекции, оказались деятельность СМИ и распространение новых электронных технологий. Небывалое информационно-визуальное давление на весь ментальный комплекс человека изменило его восприимчивость, он оказался втянутым в игровое поле конструирования впечатлений. Чтобы спасти и сохранить индивидуальность в таких условиях, человек обречен аффицировать крайнее ее выражение и преувеличивать оригинальность. В таком контексте тело начинает играть все большую роль в различных проявлениях общественной жизни.

Специалисты в области социально-гуманитарного выдвигают различные гипотезы, пытающиеся осмыслить всплеск интереса к телу в современном мире [12]. В этом отношении интересно мнение Ж. Липовецки, считающего, что индивид перед лицом социального вакуума пытается найти в себе то, что ожидал получить от общества – общение, и «партнерами» по диалогу может стать домашнее животное, какая-то вещь, и собственное тело. Тело становится предметом любви и капиталом, который необходимо умножать. Так, профессиональная карьера, помимо наличия диплома и опыта подразумевает способность человека представить себя, выглядеть соответствующим образом, создать о себе необходимое впечатление. Такое повсеместное сползание «иметь» в «казаться», по мнению Г. Дебора, отражает ценностную картину социальной жизни, которую он описывает с помощью метафоры «представление, спектакль, где господствует культ видимости» [13]. В итоге «эра формы» (так определяет актуальное культурное состояние Ж. Бодрийар) конституирует культуру нарциссизма и, как следствие, эстетизацию «Я». Эстетизированное «Я» работает не над собой, а с собой; предпочитает не деятельность, а делание себя, не отношения, а презентации, не взаимопонимание, а управление впечатлениями [14, с. 21].

В условиях современной культуры, которая делает все, чтобы помочь человеку выразить себя с помощью своего тела, лучше почувствовать себя в своем теле, разблокировать эмоции, эстетические практики самоконструирования, детально описанные в работах Р. Рорти, Р. Шу-

стермана, Дж. Абрамса, действительно становятся господствующей формой субъективности. Согласно Р. Рорти необходимость «эстетической жизни» вытекает из децентрализации, множественности «Я» [15]. Поскольку нельзя говорить о «природе» человека (которая может быть «открыта» и которой можно было бы следовать), единственным способом поисков должной, «благой» жизни является жизнотворчество по образцу создания произведения искусства. Идея М. Фуко о превращении своего «Я» в произведение искусства тем самым получает неожиданное воплощение. Главной характеристикой «эстетической жизни», с точки зрения Р. Рорти, является ее радикальная новизна, постоянный поиск лучших форм воплощения своего «Я», поскольку, только изменяя самого себя, можно насладиться жизнью. В такой ситуации вопрос субъективности современного человека – это вопрос предельной индивидуализированности (на фоне крайне затруднительной возможности индивидуалистичности) его существования.

Выводы. Таким образом, обобщая вышесказанное, заметим, что состояние современного социально-философского дискурса относительно проблематики субъекта и субъективности отличается определенной амбивалентностью. Идентификация аутентичных тем и сюжетов, репрезентирующих актуальный научный канон, дает все основания утверждать, что социальный субъект имеет здесь двойной статус: с одной стороны, «субъект умер», а с другой – «все не так страшно. Субъект возвращается». Такая позиция противоречива, но вместе с тем она не исключает ни тенденции «свертывания» социальных принципов, которую мы переживаем в настоящее время, ни тенденции приватизации публичного пространства за счет формирования локальных культурных сред – мелье (по терминологии П. Бурдьё) – как результата крайнего выражения индивидуализации. Скорее эти две позиции дополняют друг друга в поисках единого подхода, в рамках которого возможно адекватное объяснение изменения природы современной субъективности в траектории движения от цельного модернового субъекта, озабоченного обладанием предметами, к «постмодернистскому» децентрированному субъекту, выстраивающему свой жизненный мир в регистре желания, а не разума.

Литература

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.
2. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // Теоретическая социология. Антология : в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит., общ. ред. С.П. Бань-

ковской. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – 2002. – С. 154–163.

3. Simmel G. Die Gro st dte und das Geistesleben / G. Simmel // Simmel G. Aufs tze und Abhandlungen 1901–1908 : 8 Bd. / G. Simmel. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1995. – Bd. 7. – 1995. – S. 116–131.

4. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : Медиум ; СПб. : Ювента, 1997. – 312 с.

5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 96 с.

6. Соколов Б.Г. Маргинальный дискурс Деррида / Б.Г. Соколов. – СПб. : Санкт-Петербургский университет, 1996. – 120 с.

7. Мальковская И.А. Метаморфозы субъективности в современном мире / И.А. Мальковская // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 16–25.

8. Нанси Жан Люк // Современная западная философия : [словарь] / сост. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – М. : ТОН ; Острожье, 1998. – С. 244–246.

9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

10. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 264 p.

11. Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Ионин. – М. : Логос, 2000. – 432 с.

12. Травайо И. Социология телесных практик / И. Травайо // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 «Социология». – М., 2001. – № 4. – С. 5–28.

13. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М. : Логос, 2000. – 457 с.

14. Мальковская И.А. Метаморфозы субъективности в современном мире / И.А. Мальковская // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 16–25.

15. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст: Сборник / отв. ред. А.В. Рубцов ; сост. А.А. Сыродеева. – М. : Фонд «Традиция», 1997. – 286 с.

Аннотация

Ходус Е. В. «Идея субъекта» как эпистемологическая и онтологическая проблема: к вопросу вариативности форм современной субъективности. – Статья.

В статье фокус исследовательского интереса сосредоточен на содержании современного социально-философского дискурса в отношении проблематики субъекта. Ведущей темой статьи является попытка ответить на вопрос о том, «смерть» какого субъекта констатирует социальная теория и одновременно о «возвращении» какого субъекта провозглашает. Акцент делается на социокультурной контекстуальности, определяющей содержание и формы проявления потенциала современного опыта субъективности. Актуальные практики субъективации рассматриваются в рамках более широкого спектра влияний и тенденций, которые составляют своеобразие «эпохи модерна» и ситуации (пост)современности. Отмечается, что изменение природы современной субъективности происходит в траектории движения от цельного модернового субъекта, озабоченного обладанием предметами, к «постмодернистскому» децентрированному субъекту, выстраивающему свой жизненный мир в регистре желания, а не разума.

Ключевые слова: субъектность, проблема самости, модерн, постмодерн, идентичность.

Анотація

Ходус Е. В. «Ідея суб'єкта» як епістемологічна й онтологічна проблема: до питання варіативності форм сучасної суб'єктивності. – Стаття.

У статті фокус дослідницького інтересу зосереджений на змісті сучасного соціально-філософського дискурсу стосовно проблематики суб'єкта. Провідною темою статті є спроба відповісти на питання щодо того, «смерть» якого суб'єкта констатує соціальна теорія та водночас «повернення» якого суб'єкта проголошує. Акцент робиться на соціокультурній контекстуальності, яка визначає зміст і форми прояву потенціалу сучасного досвіду суб'єктивності. Актуальні практики суб'єктивації розглядаються в межах більш широкого спектру впливів і тенденцій, які є своєрідністю «доби модерну» й ситуації (пост)сучасності. Зазначається, що зміна природи сучасної суб'єктивності відбувається в траєкторії руху від цільного модерного суб'єкта, стурбованого володінням предметами, до «постмодерністського» децентрованого суб'єкта, який вибудовує свій життєвий світ у реєстрі різноманітних бажань, а не розуму.

Ключові слова: суб'єктність, проблема самості, модерн, постмодерн, ідентичність.

Summary

Khodus H. V. «The idea of the actor» as an epistemological and ontological problem: to the question of the variability of the forms of modern subjectivity. – Article.

In the article the focus of research interest focuses on the content of contemporary social and philosophical discourse concerning issues of the actor. The leading topic of the article is an attempt to answer the question – “death” what the actor says social theory and, simultaneously, about the “return” of any entity proclaims? The emphasis is on social and cultural contextuality, which defines the content and form of manifestation of the potential of the modern experience of subjectivity. Current practices of subjectivation are considered within a broader spectrum of influences and trends that make up the uniqueness of “era of modernity” and the situation of (post)modernity. It is noted that the changing nature of modern subjectivity occurs in the trajectory of the whole modern actor who is concerned about the possession subjects to the “post-modern” decentered actor, which builds their life-world in the register of desire, not mind.

Key words: subjectivity, problem of the self, modernism, postmodernism, identity.